

СТРАТЕГИИ БЕЗУМИЯ

В.П.РУДНЕВ*

Если безумие, по одному из определений, есть «невозможность безмятежного пребывания среди вещей», то с помощью каких стратегий эта невозможность осуществляется личностью в случае разного рода психических расстройств? Отвечая на этот вопрос и пользуясь термином «стратегии» как своего рода методологическим приемом, автор предпринимает сравнительный анализ стратегий при истерии, обсессивно-компульсивном неврозе, депрессии, паранойе, шизотипическом расстройстве личности и шизофрении. Статья продолжает тему, которую автор развивал в предыдущих публикациях¹.

Рассмотрим несколько предложений:

- (1) Я – самая соблазнительная женщина на свете.
- (2) Все должно быть сделано точно.
- (3) В мире все обстоит ужасно.
- (4) Моя жена изменяет мне с первым встречным.
- (5) (1)-(4).
- (6) Я – стена; девушке трудно быть стеной.

Каждая из этих фраз характеризует (символизирует) одно из психических расстройств – соответственно истерию, обсессивно-компульсивный невроз, депрессию, паранойю (в форме бреда ревности), шизотипическое расстройство личности и шизофрению. В то же время, каждое предложение в метафорической форме выражает поведенческую стратегию соответствующего психического расстройства. В каком смысле психическому расстройству можно приписать целенаправленную стратегию поведения? Кажется, что подобная гипотеза полностью противоречит

---

* Руднев Вадим Петрович – филолог, философ, семиотик, доктор филологических наук.

¹ В.П.Руднев. Истина и безумие. МПЖ, № 1, 2005; В.П.Руднев. Истина, душевная болезнь и творчество. МПЖ, № 2, 2005.

традиционному взгляду на психическое расстройство как на нечто вынужденное и (сверх)детерминированное, никак не связанное с целенаправлением. (Разве что представление о «вторичной выгоде» может слегка натолкнуть на идею целенаправленности.) Мы будем говорить о стратегиях безумия, имея в виду нечто вроде методологического приема (как Майкл Шапиро говорит о «невротических стилях» (*Шапиро, 2000*) – стиль ведь тоже есть нечто вполне целенаправленное). В качестве предварительной договоренности будем считать, вслед за Л.Бинсвангером, что безумие – это невозможность «безмятежного пребывания среди вещей» (*Бинсвангер, 1999*). И соответственно стратегии безумия направлены на то, чтобы теми или иными способами осуществить эту невозможность безмятежного пребывания среди вещей, или создать помеху безмятежному пребыванию среди вещей.

Рассмотрим первое предложение. В чем состоит истерическая стратегия? В том, чтобы субъект, на поверхности стремясь к сексуальному контакту, на глубине мог его избежать. Этим предложением как бы говорится: «Я самая соблазнительная женщина на свете, и именно поэтому никому не удастся меня соблазнить». Что еще можно сказать по его поводу? Это – соматизация субъекта. Субъект при истерии демонстрирует, прежде всего, свое тело (и сознание как часть тела). Истерическое Я депсихологизировано, поэтому говорить об эгоистичности истерика вряд ли имеет смысл. Истерическое Я в этом плане противопоставлено нарциссическому Я и нарциссической стратегии, ядром которой является, наоборот, десоматизация, выступание Я в чистом виде, как чего-то гиперментального. Нарцисс поэтому, можно сказать, вообще в каком-то смысле лишен тела: его тело это часть его разбухшего Я; Я покрывает собой все тело. (Стратегическим предложением нарцисса может быть фраза «Я самый выдающийся человек на свете».) В этом смысле гениталии нарцисса это тоже Я, в то время как Я истерика это, скорее, гениталии (такую точку зрения можно встретить в теории генитальности Ференци /*Ференци, 2003*/). По-видимому, соматизация Я истерика подразумевается, когда говорят об истерической незрелости, ювенильности (*Бурно, 2005; Волков, 2000*).

И вот истеричка заявляет о том, что она самая соблазнительная женщина на свете, и стратегия ее состоит в том, что она на поверхности хочет быть соблазненной, но на глубине никак не может допустить этого, потому что в детстве была подвергнута какой-то сексуальной травме, как считают психоаналитики. Можно было бы добавить, что это – *бессознательная* стратегия поведения нашей истерички. Можно ли о целенаправленном поведении говорить, что оно *бессознательно* целенаправленно? Почему бы и нет? Но разве у бессознательного есть какая-то цель? Цель, по-видимому, одна:

нечто сообщить, не допуская при этом перевода сообщения в сознательный канал (так получается, что любое бессознательное напоминает *истерическое* бессознательное; по-видимому, это объясняется тем, что сам концепт бессознательного был разработан на материале истерии /Брейер-Фрейд, 2005/). Соответственно стратегия психотерапии противоположная: вырвать у бессознательного *его* стратегию и заменить ее другой стратегией – сознательной (в этом мы видим смысл парадигмального высказывания Фрейда о том, чтобы на месте Оно встало Я). В случае истерии это деиконизация, вербализация сообщения, как писал об этом Томас Сас (*Szasz, 1971*), – перевод его в вербальный канал. То есть если страдающий истерической слепотой субъект хочет этим сказать: «Я ничего не хочу видеть», а страдающий мутизмом – «Я ни с кем не хочу говорить», то излечение в данном случае будет соответствовать осознанию скрытых целей, которые преследуются слепотой и мутизмом. То есть, как предполагает классический психоанализ, если истерический субъект осознает, что он не хотел никого видеть или ни с кем разговаривать, истерические слепота и мутизм должны будут исчезнуть.

Обсессивно-компульсивная стратегия, обозначенная нами в предложении (2) «*Все должно быть сделано точно*», направлена на то, чтобы по возможности оттянуть действие или мысль, не позволить им пройти спонтанно, незамеченными и эмоционально окрашенными. «*Все должно быть сделано точно*» – это стратегия педантичного обсессивно-компульсивного психопата. Стратегия компульсивного *невротика* представляется сформулированной в более сильном смысле: «*Ничего не должно быть сделано не точно*». Эта идея сильна в том смысле, что она подразумевает невозможный, неконтролируемый, поистине навязчивый перфекционизм, который проявляет себя в навязчивом повторении, переделывании, так чтобы по возможности избежать какого-нибудь позитивного результата. Потому что всякий результат а priori несовершенен – совершенна только идея самого действия. Это топтание компульсивного на месте в поисках наилучшего, наиболее точного прекрасно изобразил В. фон Гебзаттель в своей хрестоматийной статье (*Гебзаттель, 2001*). Компульсивный оттого так тщится ничего не сделать, пряча свою глубинную стратегию за желанием сделать это как можно лучше, потому что в истоке его характера или невроза лежит идея анального удержания кала, имеющего садистскую природу; желание как можно дальше оттянуть блаженный миг дефекации и представить его как можно более совершенным, что невозможно, поскольку, каким бы сокровищем ни казалось дерьмо, оно все равно остается дерьмом по своей природе. Его не отмыть никаким реактивным навязчиво повторяющимся мытьем нечистых рук: вся минус-деятельность ком-

пульсивного – это реактивное образование против изначальной идеи садистского загрязнения, садистского пачкания своим «подарком» (ср.: *Фенихель*, 2004). Поэтому секс должен быть всячески устранен из сознания компульсивного, ибо секс по природе грязный. «Где располагается грязь?» – спросил психотерапевт своего пациента. «Грязь на полу. Это половая грязь», – ответил пациент (сообщено В.Цапкиным). Бегство компульсивного от секса, в отличие от амбивалентного поведения истерички, носит абсолютный характер (об этом подробно см.: *Салецл*, 1999).

Отсюда бытовой мистицизм компульсивного, носящий отчетливо бинарный характер (впервые отчетливо это показано Бинсвангером на примере Лолы Фосс (*Бинсвангер*, 1999; см. также главу «О сущности безумия» нашей книги: *Руднев*, 2005)). Эта бинарность проявляется в загадывании на приметах: если пройдет баба с полным ведром, это к удаче, если с пустым, то к неудаче. Обсессивно-компульсивный субъект – вечный витязь на распутье, который, как правило, так и не сдвигается с места. Как соотносится бытовой мистицизм компульсивного, его, по выражению Фрейда, «всевластие мыслей» (*Фрейд*, 1998) и анальная тематика? Можно высказать гипотезу, что испражнение есть по сути своей мистический акт – это получение некоего продукта из собственного тела, то есть, по сути, из ничего, это доставание сокровища из могилы, некоего «загробного клада». Ведь двухгодовалый ребенок не соотносит поглощение пищи и выделение ее – это разные по сути своей и по динамике процессы, связанные лишь как противоположные механизмы защиты: интроекция и проекция (впервые ярко в пищевых терминах эти механизмы защиты описал Фриц Перлз в книге «Эго, голод и агрессия» – *Перлз*, 2000). Оральная стадия для компульсивного – нечто похожее на навязчивое повторение анальной; во всяком случае, так она может быть истолкована им задним числом, поскольку орально можно не только поглощать, но и исторгать путем выблевывания. Если анальное приносит удовольствие компульсивному, то оральное вызывает у него либо отвращение, либо полное равнодушие (*Перлз*, 2000). Вспомним, как ест Акакий Акакиевич из повести Гоголя «Шинель», этот патентованный ананкаст русской словесности:

Придя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая вкуса, ел все это с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинает пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом.

Заметим явную связь между концом еды и вспучиванием живота (анальный элемент) и компульсивным переписыванием, то есть эквивалентом испражнения. Переписывание – единственное любимое занятие

этого героя – есть не что иное, как эквивалент испражнения. Отсюда, кстати, совершенно прозрачное анально этимологизируемое имя и отчество героя, соотносящееся два раза по внутренней форме с глаголом «какать» (поскольку ананкастическая суть гоголевского героя до сих пор не затрагивалась патографами, то и эта блестящая интуитивная находка Гоголя проходила вот уже сто пятьдесят лет незамеченной!).

Ананкаста часто путают с психастеником. Стратегия психастеника действительно напоминает ананкастическую – то же робкое, по несколько раз проворачивание одних и тех же мыслей. Чеховский Червяков все же не ананкаст, хотя он навязчиво повторяет одно и то же действие, а скорее именно психастеник, как и сам Чехов, потому что его повторения носят не изолированный (в смысле механизма защиты «изоляции», специфичной для ананкаста, но не для психастеника), а отчетливо тревожный характер. «Как бы чего не вышло!» – вот лейтмотив стратегии психастеника. И этот лейтмотив не может стать лейтмотивом стратегии ананкаста, потому что последний изолирует мысль от эмоции и поэтому не боится будущего, – у него его просто нет, он его постоянно зачеркивает, тогда как психастеник все время занят отслеживанием соотношенности прошлого и будущего, их взаимной коррелятивности (о взаимоотношении характера и времени см. главу «Шизотипическое время» книги: Руднев, 2004).

Что представляет собой Я ананкаста? В прогнотоложность истерическому и нарциссическому Я, Я обсессивно-компульсивного – предельно съездившееся, редуцированное, это анальное Я, которое по неизбывным законам «перенесения снизу вверх» (Ференци, 2003) стало незавершенной головой. Поэтому ананкаст избегает говорить о себе «Я» и, как это и отмечено во фразе (2), приведенной выше, любит пользоваться безличными конструкциями. Как будто им управляет некая сила, некое всевластное «оно», – в данном случае это невольно получившаяся игра слов, потому что «оно» – не что иное, как сублимированное анальное Суперэго. Родители так перестарались, приучая будущего ананкаста к туалету, что он продолжает этим заниматься всю жизнь. И его Суперэго является анальным в том смысле, что оно говорит ему не более как «Испражняйся вовремя, смотри, не запачкай штанишки».

Определить стратегии *депрессивного расстройства*, выраженные предложением (3) «*В мире все обстоит ужасно*», гораздо труднее, чем в двух предшествующих случаях. Депрессивный больной, сравнительно со случаями истерии и обсессии, настолько глубже, можно сказать, всей своей личностью, охвачен заболеванием, что, кажется, невозможно даже предположить какую-то стратегию в депрессивном поведении. Объясняется это двумя вещами. Первая заключается в том, что депрессия в качестве фикса-

ции психосексуального развития возникает гораздо раньше, чем обсессия и истерия, – в оральный период, то есть в возрасте до одного года, тогда как обсессия – в анальный период, а истерия, по некоторым реконструкциям, – в уретральный (Фенихель, 2004; Блум, 1996). С этим связана и вторая трудность – *асемиотичность* депрессии, в противоположность истерии и обсессии, которую Фрейд в программной статье 1917 года «Скорбь и меланхолия» (Фрейд, 1995) интерпретировал как невозможность устанавливать перенос при депрессии и охарактеризовал ее как *нарциссический* невроз (см. также главу «Понимание депрессии» в книге: Руднев, 2002). Невозможность с точки зрения докохутовского классического психоанализа устанавливать перенос при депрессии и нарциссизме (которые тесно связаны: при нарциссизме практически всегда депрессивное настроение), объясняется тем, что это *диадические* расстройства (Тэхэ, 2001), то есть расстройства, возникающие при отсутствии развитых объектных отношений (подробно концепция диадичности при нарциссизме рассмотрена в нашей работе: Руднев, 2006). Другими словами, депрессия, депрессивная оральная фиксация осуществляется в режиме «мать и дитя», в то время как истерия и обсессия – в режиме «мать-отец-дитя», то есть при выстроенных объектных отношениях. Отсюда берет начало и асемиотичность депрессии: когда объект только один, это равнозначно тому, что его вообще нет. Грудь матери можно только галлюцинаторно расщепить на «хорошую» и «плохую», но это уже не депрессивное, а предшествующее ему шизоидно-параноидное решение, в терминах Мелани Кляйн (*Кляйн и др.*, 2001). Итак, объект один, к тому же он утерян – в этом и состоит исток первоначальной депрессии. Поэтому все бессмысленно и ужасно.

В первую очередь нас интересует тот факт, что все *бессмысленно*. Отсутствие смысла соответствует отсутствию семиозиса и вербализации – депрессивный склонен молчать. Но это не истерический мутизм. Просто говорить ему не о чем – все потеряло смысл. В крайнем случае, он может лишь номинализировать, осуществляя «именной стиль» – «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. / *Бессмысленный и тусклый свет...*» (курсив мой – В.Р.) (тот факт, что *именной стиль* характерен и при эйфорическом состоянии – «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» – только подтверждает хорошо известную истину, в соответствии с которой гипомания является лишь обратной стороной депрессии).

Какова же все-таки стратегия, осуществляемая депрессивным расстройством? Можно сказать, что помимо констатации того, что все ужасно и бессмысленно, эта стратегия состоит в ничегонеделании. В этом депрессия смыкается с обсессией, только при обсессии ничего не делается потому, что делать что-то опасно, тогда как при депрессии потому, что все бес-

смысленно. Обсессивно-компульсивное ничегонеделание окрашено семиотически: либо хороший знак (тогда придется совершать действие), либо дурной (тогда не придется). При депрессии никаких знаков фактически уже нет, вернее, они есть, но обесмысленны. Поэтому депрессивный больной чаще всех других психических пациентов просто лежит, как Обломов, на диване и смотрит в потолок. Его стратегия, если депрессия не настолько глубокая, чтобы не сопровождаться паническими атаками и приступами отчаяния, состоит в *ожидании*, что кто-то (изначально мама) придет (вернется) и спасет (вернет прежнюю любовь). Вот почему при классической биполярной депрессии (депрессия может быть и шизофренической – тогда другое дело) так страшно одиночество, и круг друзей обычно оживляет депрессивного циклоида (об этом см., например, классическую книгу Эрнста Кречмера «Строение тела и характер»: *Кречмер*, 2000).

Здесь следует сказать несколько слов о гипомании как обратной стороне биполярной депрессии. Стратегия гипомании отражена в высказывании «Все в мире обстоит прекрасно» («Все прекрасно в этом лучшем из миров»). Соответственно, ничегонеделание и лежание на диване сменяется бурной деятельностью, все приобретает смысл; но этот смысл состоит лишь в том, чтобы отсрочить неминуемую новую депрессивную фазу (с удивительной точностью это показано в соответствующей главе книги: *МакВильямс*, 1998). Иными словами, нельзя сказать, что для гипомании характерна повышенная семиотичность, – скорее, повышенная отмеченность вещей. Если гипоману повезет, его состояние может продлиться всю жизнь, но все равно это состояние нельзя приравнять к душевному здоровью, ибо нельзя сказать, что гипоман «безмятежно пребывает среди вещей»; ведь его преследует постоянный, пусть и бессознательный страх будущей депрессивной фазы (так же как и депрессивного согревает надежда на будущую гипоманиакальную фазу) и именно на преодоление, подавление и вытеснение этого страха направлена стратегия гипоманиакальной личности.

Паранойя во всем противоположна депрессии, во всем, кроме одного, – генерализованности стратегии. Напомним все четыре высказывания:

- (1) Я – *самая* соблазнительная женщина на свете.
- (2) *Все* должно быть сделано точно.
- (3) В мире *все* обстоит ужасно.
- (4) Моя жена изменяет мне с *первым* встречным.

Во всех предложениях мы выделили курсивом слово, которое обозначает квантор всеобщности или его эквиваленты. Каждый синдром из выделенных нами тотален. И, по-видимому, это в принципе универсальная особенность психопатологического дискурса, в противоположность

дискурсу нормальному (подробно о разграничении психической нормы и патологии см. главу «Нормальная жизнь» книги: *Руднев, 2005*). Параноик считает, что жена изменяет с каждым встречным, со всеми подряд. Так думал параноик Стринберг (*Ясперс, 1996*), так думает каждый рядовой параноик ревности (*Терентьев, 1991*).

При этом главное в стратегии паранойи (причем, не обязательно паранойи ревности, а практически любой) – патологическая убежденность пациента в справедливости того, о чем он говорит и что делает; в этом смысле его и пациентом не назовешь и он, действительно, исключительно редко, если не никогда, по доброй воле не обращается к психиатру. Причина этого в том, что паранойя в самом своем основании стоит на границе между неврозом и психозом, хотя существуют невротические или неврозоподобные, характерологические, психопатические параноики, которых в отечественной литературе выделял, например, Ганнушкин (*Ганнушкин, 1998*). М.Е.Бурно предпочитает видеть в параноиках подгруппу эпилептоидов (*Бурно, 1990*), в чем можно усмотреть определенный резон: и те и другие убеждены в своей правоте, и теми и другими руководит механизм проекции – виноват всегда не субъект, а Другой. Но убежденность в своей правоте у эпилептоида не носит столь целеустремленного, целенаправленного характера: «Я во всем прав, все должны мне *подчиняться*». Параноик тоже всегда во всем прав, но он не требует безоговорочного подчинения. Его конек – другой: он должен *установить истину*. Поэтому бредовый ревнивец устраивает целую серию сыскных мероприятий, направленных на установление измены жены (в которой он, впрочем, и так убежден): слежку, обыск, допрос, досмотр личных вещей вплоть до нижнего белья (подробно см.: *Терентьев, 1991*). Поэтому параноики характера – отличные сыщики, например, Шерлок Холмс или отец Браун. Они видят каждую мелочь, ничто не ускользает от их внимания и все свидетельствует об одном – о совершенном преступлении.

Такая сосредоточенность на одном, убежденность в одном – зерно паранойяльной стратегии. С этим связано еще одно отличие паранойи – ее заостренная, гротескная семиотичность. Если у истерика иконические знаки располагаются прямо на теле, если обсессивно-компульсивный во всем видит два знака: либо хорошее, либо дурное предзнаменование; если для депрессивного знаковая сфера вообще теряет смысл, – то для параноика знак всегда один. Смыслов много, а знак один (подробно см. главу «Язык паранойи» книги: *Руднев, 2002*; а также главу «О сущности безумия» книги: *Руднев, 2005*). Для параноика ревности все вещи и факты служат знаком одного – измены жены; для эротомана все свидетельствует о любви к нему со стороны всех остальных людей. Для параноика отно-

шения все говорит о том, что он в центре внимания; параноик преследования во всем видит также одно – все вокруг свидетельствует о слежке, злоумышлении, опасности. Все это не характерно для эпилептоида, семиотическая стратегия которого не так отчетлива и не так монотична. Если эпилептоид стремится к осуществлению властных полномочий, то все вокруг отнюдь не является знаками этих полномочий. Эпилептоид никогда не переходит в психоз, ему суждено всю жизнь пребывать психопатом, тогда как паранойя чревата бредом, систематизированным бредом – ревности ли, отношения или преследования. Паранойя находится на границе с шизофренией; существует распространенное мнение, что паранойя это просто начальный период шизофрении. Во всяком случае, когда параноик переходит эту границу, он становится шизофреником. Чаще всего это происходит при переходе от бреда отношения к бреду преследования.

Отличие параноидального бреда отношения от шизофренического (параноидного) бреда преследования в том, что последний уже *асемиотичен* – он питается галлюцинаторным комплексом. Шизофренику, страдающему параноидным бредом преследования, уже не нужны рассыпанные по всему миру предметы и факты, свидетельствующие о преследовании, он их может придумывать, вычитывать из газет, как это делает герой фильма «Игры разума» («Beautiful mind»), или просто галлюцинировать. Заостренная до последней степени монотичная семиотика параноика служит знаком того, что еще один шаг – и семиотическое вообще рассыпется вдребезги, и субъект окажется трансгрессивным по отношению к семиотике. Трансгрессивность по отношению к семиотике – наиболее точное указание на шизофренический психоз. Почему при шизофрении уничтожается семиотика? Потому что это единственное психическое расстройство, при котором одновременно исчезает реальность и Собственное Я: некому больше считать знаки и неоткуда. Параноик в этом плане находится в куда более выгодном положении, беда которого состоит лишь в том, что оно крайне неустойчиво. Когда знак единственный – то очень легко придти к такому положению вещей, когда вообще пропадут все знаки.

Пятое высказывание, если посмотреть в начало статьи, включает в себя все предыдущие. Речь идет о *шизотипическом* расстройстве личности. Мы понимаем это расстройство в духе школы М.Е.Бурно (*Добролюбова*, 1996; *Волков*, 2000; *Бурно*, 2005; *Руднев*, 2004). В соответствии с взглядами этой школы то, что ранее именовалось малопрогредиентной шизофренией, конституирует особый человеческий характер второго порядка (подобная точка зрения восходит к давней статье Ганнушкина, выделявшего шизофреническую конституцию: *Ганнушкин*, 1998а), – данный характер назван полифоническим, то есть включающим в себя на

правах отдельных осколков-радикалов все существующие характеры. Действительно, для страдающего шизотипическим расстройством могут быть характерны и истероидность, и навязчивости, и депрессия (весьма частый спутник этого расстройства), и элементы паранойи, нарциссизма, и эпилетоидной конституции и психастенического характера. В этом состоит и смысл того, что шизотипическому субъекту может быть приписано любое из выделенных нами высказываний от «Я самая соблазнительная женщина на свете» до «Все в мире обстоит ужасно».

Какова же стратегия шизотипической личности? Для этого рассмотрим следующий важный момент. Само понятие шизотипического расстройства личности в западной психиатрии достаточно недавно выделилось в отдельную группу. Его теперь не считают шизофренией. В главе «Шизотипический дискурс» книги (Руднев, 2004) мы связали актуализацию шизотипического расстройства с феноменом постмодернизма. Основным принципом межличностной коммуникативной и поведенческой стратегии постмодерниста-шизотиписта является оперирование цитатами и реминисценциями, так как он «живет в эпоху, когда все слова уже сказаны» (по устному выражению покойного С.С. Аверинцева). Так построены знаменитые неомифологические постмодернистские тексты, начиная с «Улисса» и «Мастера и Маргариты» (существует мнение, что первым произведением постмодернизма был именно «Улисс» Джойса: Ильин, 2000) и кончая «Романом» Владимира Сорокина. Чтобы объяснить конкретно, что мы имеем в виду, сошлемся на Умберто Эко, который, объясняя, что такое постмодернизм, писал, что современный мужчина не может просто так сказать женщине: «Я вас люблю», потому что так до него говорили миллионы мужчин миллионам женщин. Но он может сказать по-другому, а именно, эксплицитно сославшись на мифологический культурный контекст: «Как сказал д'Артаньян Констанции: «Я люблю вас» (Эко, 1990). Вот так и шизотипист все время в своем речевом поведении отсылает к различным характерологическим контекстам. Он не просто говорит «Я самый значительный человек на свете», он говорит: «Как сказал бы нарцисс, «Я самый значительный человек на свете»». Шизотипист не скажет: «В мире все обстоит ужасно», но он скажет «Как сказал бы человек, страдающий депрессией, «В мире все обстоит ужасно»». Вместо того чтобы подобно параноику сказать: «Моя жена изменяет мне со всеми подряд», он скажет: «Если бы я был параноиком, я бы сказал, что моя жена изменяет мне со всеми подряд».

В чем смысл и отличие этого цитирования? Дело упирается в проблеме истинности высказываний и понимания истины в постмодернизме. Эпоха постмодернизма – это эпоха кризиса истины. Ничто более не ис-

тинно, все относительно, начиная с поведения электрона, в соответствии с «соотношением неопределенности» Вернера Гейзенберга (об относительности истины в постмодернистском дискурсе см. статью: *Пятигорский*, 1996). Перестановка высказывания в косвенный контекст, то есть широкое использование эксплицитных пропозициональных установок, снимает истинность с высказывания, переносит его истинность на пропозициональную установку. Поясню это примером. Когда я говорю «Я полагаю, что завтра будет дождь», истинным или ложным является только пропозициональная установка «Я полагаю, что...». Содержание придаточного предложения «...завтра будет дождь» не является ни истинным, ни ложным. На место его истинностного значения становится его смысл (впервые эту теорию построил Г.Фреге в конце XIX века в знаменитой статье «Смысл и денотат» – *Фреге*, 1977) (подробно эта теория на материале художественного дискурса анализируется в нашей книге: *Руднев*, 2000). Вот именно так строят свою речевую стратегию постмодернисты-шизотиписты. Они спихивают истинность высказывания на какой-то литературный или мифологический авторитет, лишая свое высказывание тем самым значения истинности. Почему они это делают? Потому что есть истина истерички, есть истина ананкаста, есть истина циклоида, эпилептоида, нарцисса или параноика... Но в глазах шизотиписта, который может быть и тем, и другим, и третьим, все эти конституционально обусловленные характерологические истины для него не абсолютны, глубоко условны, поэтому он и лишает их значения истинности.

Шизотипическое расстройство личности может протекать по-разному: оно может быть чрезвычайно мучительным, если течет по неврозоподобному руслу, или довольно легким, если течет по психопатоподобному руслу, – и тогда это мучительно для близких (пример первого – Булгаков, второго – Лакан). Но в обоих случаях стратегия направлена на выравнивание своего психопатологического дискурса, на маневрирование в море, в котором плавают обломки различных психических расстройств первого порядка.

Стратегий шизофрении может быть несколько в зависимости от типа заболевания. Фраза «Я стена. Девушке трудно быть стеной» (*Лэнг*, 1995) осуществляет стратегию экстраекции (термин, который мы ввели в работе: *Руднев*, 2001; см. также главу «Феноменология галлюцинаций» книги: *Руднев*, 2002). Наряду с экстраекцией могут быть использованы кататоническая, гебефреническая стратегия и стратегия при *schizophrenia simplex*. Последняя может быть выражена как сверхценное желание похудеть при невозможности сделать это, как в случае Элен Вест (*Бинсвангер*, 2001). Здесь следует вспомнить теорию шизофрении Грегори Бейтсона и его коллег. Свою идею о неразличении шизофреником различных

уровней коммуникации Бейтсон иллюстрирует дзенской притчей, когда учитель заносит палку над головой ученика и говорит: “Если ты скажешь, что эта палка реальна, я ударю тебя. Если ты скажешь, что эта палка нереальна, я тоже ударю тебя. Если ты ничего не скажешь, я тоже ударю тебя”. В отличие от ученика, который догадывается вырвать палку из рук учителя, шизофреник оказывается в безвыходном положении. Что ни скажешь, все будет плохо. Определяя эту ситуацию, Бейтсон далее выделяет черты, характеризующие шизофреногенную коммуникацию в целом:

(1) Индивид включен в очень тесные отношения с другим человеком, что делает для него жизненно важным точно понимать, какого рода сообщения ему передаются, чтобы реагировать правильно.

(2) При этом индивид оказывается в ситуации, когда этот, значимый для него, другой человек передает ему одновременно два разноуровневых сообщения, одно из которых отрицает другое.

(3) В то же самое время индивид не имеет возможности высказываться по поводу получаемых им сообщений, чтобы уточнить, на какое из них реагировать, т.е. он не может делать метакоммуникативные утверждения (Бейтсон, 2000, с.234).

В этой ситуации шизофреник может реагировать тремя разными способами, соответствующими трем типам шизофрении. «Он может, например, решить, что за каждым высказыванием стоит какой-то скрытый смысл <...> он станет подозрительным и недоверчивым». Это проективно-паранойяльная реакция. Он может, напротив, отнестись к высказыванию тотально несерьезно и реагировать на него смехом и кривлянием – гебефреническая реакция. Наконец, он может вообще перестать отвечать и как-либо реагировать на высказывание, затаиться, «притвориться мертвым» – кататоническая реакция (*там же*, с.236-237). Но наиболее радикальная реакция – четвертая: экстраекция, которая эквивалентна вырыванию учеником палки из рук учителя. Бейтсон предусматривал и эту возможность: «...обращение к галлюцинациям позволяет испытуемому разрешить проблему, порожденную противоречащими друг другу командами» (*там же*, с.249). В чем же смысл того, что, когда даются два противоречивых высказывания, решение приходит в психотической реакции видения или слышания иллюзорных вещей, т.е. галлюцинации? Можно было бы ответить в духе классического структурализма К.Леви-Стросса и А.М.Пятигорского (*Леви-Стросс*, 1983; *Пятигорский*, 1965), что экстраекция есть реакция мифологической нейтрализации, когда построение галлюцинаторного нарратива медирует и тем самым обезопасивает противоречивость предложенных шизофренику высказываний. Это будет правильным, но недостаточным объяснением.

Вернемся к концепции Грегори Бейтсона и его коллег. Говоря о неразличении уровней коммуникации, он ссылается на теорию логических типов Рассела. То есть он говорит о том, что шизофреник не в состоянии проделать ту процедуру, которую Рассел применяет к противоречивому высказыванию типа «Лжец говорит «Я лгу»», чтобы снять его парадоксальность логическим путем. Суть решения Рассела в том, что он предполагает, что нормальный человек способен различать уровень высказывания и уровень метавысказывания. Бейтсон же предполагает, что шизофреник это сделать не в состоянии, поскольку в ситуации двойного послания любая его интерпретация будет грозить ему психологическими санкциями со стороны авторитарного собеседника (как правило, автором двойного послания является шизофреногенная мать) и соответственно фрустрацией. Поэтому постоянная парадоксальная коммуникативная ситуация, в которой он находится, и ведет к расщеплению, шизофреническому схизису.

Коммуникативный смысл вербальной экстраекции как ответа на неразрешимое парадоксальное послание, идущее из обиденного мира, заключается в том, что эта его логическая неразрешимость и авторитарность гротескно искажается, заостряется, «показывает себя», используя выражение Витгенштейна из его «Трактата». Ответ на противоречивую речь – это психотический дискурс на «базовом языке». Ответ на авторитарное послание шизофреногенной матери – еще более авторитарная фигура галлюцинаторного отца (или Бога, например, Бога Отца) как универсального психотического защитника или, по крайней мере, партнера по психотическому диалогу.

Защитная функция экстраекции, блокирующей шизопоорождающее послание, проявляется в том, что она является противовесом неразрешимой жизненно-коммуникативной задаче и в каком-то смысле защитой более эффективной, чем паранойя, гебефрения и кататония. В каком же смысле?

По-видимому, в том, что экстраекция в большей степени позволяет субъекту сохранно существовать в некоем законченном мире, пусть и психотическом. Недаром говорят о «галлюцинаторном рае», которого, по словам Блейлера, может достичь только талантливый шизофреник. В определенном смысле таким раем была психотическая система Шребера, которую он, по-своему связно и логично, описал в своих мемуарах. Подобным раем является любая эзотерическая мистическая система, например метаисторическая концепция Даниила Андреева, описанная им в «Розе мира». В каком-то смысле Даниил Андреев говорит здесь на «базовом языке», слова и пропозиции которого ему сообщили галлюцинаторные голоса и силы. *Homo normalis* (выражение Райха) не в состоянии понять до конца дискурс Даниила Андреева, когда тот, ссылаясь на свое знание,

полученное при помощи псевдогаллюцинаций, пишет нечто вроде: «И тогда, наконец, третий уицраор испустил дух» (Андреев, 1991). Но при этом важно, что галлюцинаторная система не только не воспрепятствовала личностной сохранности Даниила Андреева, но, возможно, *обеспечила* ему эту сохранность в его нелегкой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Д. Роза мира. – М., 1991.
- Бейтсон Г. Экология разума. – М., 2000.
- Бинсвангер Л. Бытие в мире. – М., 1999.
- Бинсвангер Л. Случай Элен Вест // Экзистенциальная психотерапия. – М., 2001.
- Блум Г. Психоаналитические концепции развития. – М., 1996.
- Бурно М.Е. Трудный характер и пьянство. – К., 1990.
- Бурно М.Е. О характерах людей. – М., 2005.
- Волков П.В. Многообразие человеческих миров. – М., 2000.
- Брейер Й. – Фрейд З. Исследования истерии. – М., 2005.
- Ганнушкин П.Б. Избранные труды. – М., 1998.
- Гербаттель В. фон. Мир компульсивного // Экзистенциальная психотерапия. – М., 2001.
- Добролюбова Е.А. Шизофренический «характер» и терапия творческим самовыражением. // Психотерапия малопрогрессирующей шизофрении: I Консультационные чтения. – М., 1996.
- Ильин И. Постмодернизм. – М., 2000.
- Кляйн и др. Развитие в психоанализе. – М., 2001.
- Кречмер Э. Строение тела и характер. – М., 2000.
- МакВильямс Н. Психоаналитическая диагностика. – М., 1998.
- Левин-Стросс К. Структурная антропология – М., 1983.
- Лэнг Р. Расколотое Я: Антипсихиатрия. – М., 1995.
- Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. – М., 2000.
- Пятигорский А.М. Некоторые замечания о мифологии с точки зрения психолога. // Труды по знаковым системам, 2, 1965.
- Пятигорский А.М. О постмодернизме // Пятигорский. Избранные труды. – М., 1996.
- Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. – М., 2000.
- Руднев В. Экстракция и психоз // Московский психотерапевтический журнал, 2, 2001.
- Руднев В. Характеры и расстройства личности. – М., 2002.
- Руднев В. Тайна курочки Рябы: Безумие и успех в культуре. – М., 2004.

- Руднев В.* Диалог с безумием. – М., 2005.
- Руднев В.* Метапсихология нарциссизма (в печати). – 2006.
- Салецл Р.* (Из)вращения любви и ненависти. – М., 1999.
- Терентьев Е.И.* Бред ревности. – М., 1991.
- Тэхкэ В.* Психика и ее лечение: Психоаналитический подход. – М., 2001.
- Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов. – М., 2004.
- Ференци Ш.* Тело и подсознание: Снятие запретов на сексуальность. – М., 2003.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика, 8. – М., 1977.
- Фрейд З.* Тотем и табу. – М., 1998.
- Фрейд Ф.* Скорбь и меланхолия» // Фрейд З. Художник и фантазирование. – М., 1995.
- Шапиро М.* Невротические стили. – М., 2000.
- Эко У.* Заметки о романе «Имя розы» // Эко У. Имя розы. – М., 1990.
- Ясперс К.* Стриндберг и Ван Гог. – М., 1996.
- Szasz Th.* Myth of mental illness. – N.Y. 1971.